

В.С. МАРТЬЯНОВ

Поздний Модерн и границы привычного капитализма: в поисках внеэкономических факторов развития

Представляется, что глобальное исчерпание традиционных моделей экономического роста, позволяющих поддерживать государство всеобщего благосостояния, ведет к необходимости пересмотра экономико-центричной модели развития человечества. Среди стимулов развития постиндустриальных обществ все большее значение приобретают внеэкономические факторы, суммируемые в концепциях социального (человеческого) капитала, основанного на доступных для граждан общественных благах. При этом увеличение социального капитала, развитие новых добродетелей, совершенствование механизмов социального устройства общества все сильнее упираются в прокрустово ложе базовой для обществоведческого мейнстрима неolibеральной модели экономического человека как рационального эгоиста. В данном контексте обосновывается аргумент о неизбежности реванша коммунитаристских перспектив и резервов повышения предельной коллективной полезности в условиях нарастающей глобальной экономической стагнации. Это ценности, ориентированные на более эгалитарные принципы справедливости, прогрессивные шкалы налогов, дистрибуцию общественных ресурсов, усиление регулятивной функции государств, социальную поддержку растущего прекариата и ориентацию граждан на постматериальные ценности и добродетели, межличностное и институциональное доверие.

Ключевые слова: доверие, коммунитаризм, модерн, поздний капитализм, прогресс, постматериальные ценности, социальный капитал.

Пределы роста и грядущая трансформация капитализма

В постиндустриальных обществах все более значимы внеэкономические факторы и источники развития, относимые к социальному, человеческому, культурному капиталу, — эффективные институты, добродетели, доверие, права, свободы и возможности человека, качество жизни и т.д. Они прямо связаны со снижением всевозможных трансакционных издержек в любых социальных коммуникациях, с производством общественных благ и развитием различных форм взаимопомощи и солидарности. Зачастую обществам, которые не могут продавать природные ресурсы или дешевый физический труд, не остается ничего иного, как пытаться реализовать эффективно организованную институциональную среду, ориентированную на гарантии прав потребителей государственного и рыночного сервиса. И это конкурентное преимущество приносит неплохие доходы обществам *открытого доступа* с *инклюзивными институтами* [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011; Асемоглу, Робинсон 2015].

Вклад накопленного социального капитала в экономический рост наиболее развитых обществ постоянно растет [Сасаки, Давиденко, Латов, Латова, Ромашкин 2009, с. 22—23]. Неэкономические капиталы создают фоновые исторические условия существования

Мартьянов Виктор Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16/А4. E-mail: martianovy@rambler.ru

капитализма, которые последний самостоятельно выработать не в состоянии. Таковы социальные регуляторы внеэкономического ряда, которые включают политику, мораль, право, социальный капитал, признание, уважение, взаимопомощь, органическую солидарность, дарообменные и дистрибутивные коммуникации и т.д. В широком смысле — это все внеэкономические культурные и социальные институты, на фоне и благодаря ресурсам которых развивается капитализм, до определенного времени успешно игнорируя эти факторы в качестве незначимых экстерналий, что ведет к разрушению традиционных ценностей, загрязнению окружающей среды, отчуждению и эксплуатации человека и т.д.

При этом развитие капитализма во многом обусловлено именно тем, что внеэкономические факторы и условия, ранее не поддававшиеся капитализации, интенсивно втягиваются в собственно экономическое движение капитала. Проблема в том, что в долгосрочной исторической перспективе ведущая роль экономических факторов общественного развития оказывается не безусловна, она тоже может быть исчерпаема. Представляется, что дальнейшее развитие позднемодерного общества будет детерминировано усилением внеэкономических факторов общественного развития, которые начнут обретать все большую автономию от привычной для капитализма экономико-центричной картины мира.

Легитимирующие для экономического мейнстрима базовую модель *homo economicus* частные и технические задачи в виде увеличения подушевого ВВП или постоянного прироста капитала в будущем представляются все менее достижимыми. Согласно долговременным историческим подсчетам, экономический рост, отличный от статистических погрешностей, начал фиксироваться в отдельных странах лишь с начала XIX в. [Maddison 2001, p. 262]. В настоящее время тезис о постоянном экономическом росте как *норме* подвергается все большей критике. Согласно прогнозам, к середине XXI в. существенно, с 1,2 до 0,5%, замедлится ежегодный темп экономического роста сначала наиболее развитых стран Европы, США и Японии. Затем, к концу XXI в., та же участь может постигнуть и остальной мир, который снизит темпы прироста уже к середине XXI в. с 3,6 до 2,4% [Policy challenges... 2015, p. 15]. Аналогичные расчеты приводит в своей книге Т. Пикетти, согласно которому темпы роста мирового производства с нынешних рекордных в мировой истории 2,5% снизятся по умеренно оптимистическому сценарию до 1,25% в конце XXI в., хотя реальное падение роста может оказаться еще большим [Пикетти 2015, с. 113].

Таким образом, на горизонте будущего возникает (анти-)утопия нового общества, где развитие перестает быть тождественно экономическому росту, традиционно определяемому трудом и капиталом, но все больше станет определяться внеэкономическими факторами, в то время как социальные противоречия и экономические неравенства будут естественным образом нарастать, нуждаясь в усилении механизмов справедливости, выравнивания и нерыночной регуляции для предотвращения новых революций.

Возникает вопрос: если период с 1800 по 2000 г. стал временем глобальной технологической революции, сопровождаемой подъемом городов, то в каком виде может продолжать свое дальнейшее существование привычное экономическое знание с его концепциями, ориентированными на постоянный экономический рост? Модель *welfare-state* питается неизменным экономическим приростом, глобальная приостановка которого немедленно оборачивается кризисом этой модели и просадкой среднего класса как социальной планки, достижимой большинством. Особенно в ситуации, когда споры внутри экономического дискурса ведутся лишь о моделях, способных обосновать больший прирост ВВП, в то время как вопрос о возможности глобальной остановки этого роста, его пределах или исчерпании источников развития практически не обсуждается. Есть лишь немногие исключения, привносимые в экономический дискурс извне, начиная с разных версий мальтузианства и заканчивая докладами «Римского клуба», обращающими внимание на негативные последствия актуальных экономических и политических решений для будущих поколений [Медоуз, Рандерс, Медоуз 2007].

Таким образом, все более значимым фактором дальнейшего прогресса современных обществ становится развитие человеческого и социального потенциала граждан, включая перспективу будущих поколений и ценность устойчивости развития, часто суммиру-

емого в популярных концепциях социального капитала (см. [Коулмен 2001; Фукуяма 2004] и др.), кумулятивных позитивных эффектах согласованных коллективных действий [Олсон 1995] и производстве общественных благ, существующих автономно от принципов классического экономического рынка и производимых преимущественно нерыночными субъектами. Более того, внеэкономические цели развития социального капитала, существующего для граждан как воплощенная в общественных институтах гражданская добродетель, входят в радикальное противоречие с базовой моделью экономического человека как рационального эгоиста-гедониста [Putnam 2000].

Постматериальные ценности, доверие, социальный капитал: моральная игра на повышение?

Исторически капитализм расширяется не только потому, что постоянно коммодифицирует любые социальные пространства и взаимодействия, но и в силу того, что не менее постоянно формирует новые ценности и институты, поддерживающие эту экспансию на нормативном уровне. Первоначально капитализм разрушает традиционные институты и социальные связи, которые препятствовали его развитию. Более того, радикализация данного тезиса приводит к закономерному выводу, что для «*homo economicus*» — доверие, вообще-то, не нужно» [Белянин, Зинченко 2010, с. 55]. Однако при переходе от теорий к реальным практикам принятия решений обнаруживается, что подобный рациональный утилитаризм релятивен, как и партикулярные интересы конкретных субъектов этой стратегии, стремящихся к максимизации своих выгод вне морального, культурного и иных контекстов, в которых они реализуются. Поэтому капитализм неизбежно воссоздает утраченный социальный капитал на новой ценностно-институциональной основе. Предполагается, что рационально-эгоистические экономические люди добровольно приходят к необходимости самоограничения и доверия для выстраивания успешных стратегий коллективного взаимодействия.

Новая конфигурация социального капитала трактуется как закономерное продолжение логики *homo economicus*, осознающего свое нахождение во внеэкономической институциональной среде. Этот контекст — важный ресурс воспроизводства такого человека, поддающийся капитализации и извлечению выгоды. Поэтому *homo economicus*, опирающийся на социальный капитал и поддерживающие его буржуазные добродетели, оказывается более успешен в достижении своей предельной полезности. Представляется, что подобная логика легитимирует экспансию *homo economicus* в другие сферы общественной жизни, выраженную в стремлении к *коммодификации* и *капитализации социального*, поэтому «современной экономической теории следовало бы, насколько это возможно, уйти от узости “неоклассической” версии и вернуться к “классической” широте охвата, приняв во внимание способы, которыми культура влияет на человеческое поведение вообще и экономическое поведение в частности» [Фукуяма 2004, с. 40].

При этом важно подчеркнуть, что социальный капитал, сосредоточенный в ресурсах социальных сетей, самоорганизации и гражданской активности, солидарности и доверии, сам по себе не может быть панацеей, компенсирующей экономическое неравенство граждан альтернативными видами капитала, которые при более пристальном рассмотрении часто оказываются лишь утешительными паллиативами отсутствия у индивидов и социальных групп экономического капитала [Smith, Kulynych 2002]. Наоборот, развитие социального капитала все чаще предполагает ограничение рынка, конкуренции и иных проявлений индивидуализма, разрушающих внеэкономические структуры, формирующие социальный капитал. Поскольку ценностно-институциональные интерпретации справедливости, свободы, равенства и доверия имеют мало общего с экономической рациональностью индивидов, устанавливаясь под влиянием внешних культурных факторов.

В позднемодерном обществе индивид все чаще призван на основании собственного рефлексивного выбора устанавливать моральные правила своих действий. Свобода и моральная автономия оборачиваются индивидуальной ответственностью. Соответственно,

модерные политические субъекты легитимны в той степени, в какой могут убедить граждан в своей компетенции и возможностях заботы об общем благе. В свою очередь, граждане подтверждают или отвергают легитимность элит, действующих в интересах общего блага. Естественно, что подобная динамичная среда современного общества может существовать только на основаниях сильного межличностного и институционального доверия, с одной стороны, и эффективных санкций за злоупотребление доверием — с другой. Таким образом, расширение пространства доверия, социального капитала и общественных благ оказывается исходно внеэкономической моральной стратегией на повышение, предполагающей наличие социально-политических субъектов, способных преодолевать свои партикулярные интересы в пользу всеобщих, осуществлять публичную рефлекссию об условиях своего совместного существования с другими субъектами. Одновременно указанные ресурсы являются прямыми факторами дальнейшего экономического развития позднемодерных обществ.

Поэтому все большую популярность приобретает позиция, согласно которой формирование широкого доверия в современном обществе обусловлено его постепенным глобальным переходом от реализованных материальных ценностей самосохранения и обеспечения безопасности к ценностям и мотивам самореализации, постматериальным потребностям, связанным с творчеством, кооперацией, психологическими мотивами признания, доверия, солидарности, самосовершенствования. В данном контексте ценностная структура российского общества весьма близка к современной европейской модели по критериям индивидуализма, достижительности и светскости [Инглхарт, Вельцель 2011, с. 91–97]. В то же время отечественная институциональная система демонстрирует альтернативные приоритеты, связанные с неизменностью центрального феномена *властесобственности*, которые входят во все большее противоречие с современными ценностями значимых социальных групп. Отсюда возникает закономерный эффект *туника инструментальной модернизации* [Плискевич 2010], ориентированной на механическое внедрение тех или иных институтов при игнорировании необходимости подготовки соответствующих идеологических и социокультурных контекстов, в которых новые институты получают легитимную поддержку и нормативное обоснование.

Очевидно, что “если в обществе существуют и распространены моральные нормы, не допускающие обмана тех, кто доверяет другим, то эти нормы также учитываются людьми при принятии решений и в долгосрочной перспективе могут возобладать исходы, связанные со взаимным доверием” [Белянин, Зинченко 2010, с. 77]. Однако следует учитывать и то, что общий рост доверия ведет к росту потенциальной опасности злоупотребления индивидуальным и институциональным доверием, последствия и издержки которого могут быть как никогда высоки. Закономерно, что значимый социальный капитал и культура доверия могут существовать лишь на прочном фундаменте эффективных моральных, культурных и государственных санкций за злоупотребление доверием. Либерализация любых общественных обменов эффективна лишь до тех пор, пока эти обмены протекают в гарантированном государством правовом, политическом, экономическом, моральном пространстве, регулируемом прозрачными и универсальными для всех участников правилами игры, нормами и ценностями, которые поддерживаются развитыми морально-политическими сообществами.

Капитализм гарантирован лишь фоновыми внеэкономическими факторами и условиями, не поддающимися капитализации, которые он парадоксальным образом постоянно подрывает, пытаясь включить в имманентное пространство рыночных обменов: «...рынок и капитал активно и целеустремленно или выдавливают все те практики, которые не вмещаются в мир порождаемых ими превратных форм, или превращают их в разновидность товара и/или капитала — это общий закон капитализма. Современная глобальная гегемония капитала, однако, преуспевает в этом особенно сильно. Она превращает свободное время — в досуг, а досуг — в товар; вдохновение творца — в профессионализм, а профессионализм — в “интеллектуальный капитал”; образованность, воспитанность, любовь, дружбу — в выгодные инвестиции в свое будущее развитие, а это опять же капитал (“человеческий”); солидарность — в доверие, а доверие вновь в капитал

(на сей раз «социальный»); знание и истину — в информацию, а информацию — в объект частной собственности и потому опять же капитал («интеллектуальный»); культуру — в шоу-бизнес; природу и социальную ответственность — в «экстерналии», а их — в издержки...» [Бузалин, Колганов 2015, с. 271].

Недоверие входит в структурные издержки любых социальных взаимодействий, поэтому снижение недоверия особенно в повторяющихся структурированных взаимодействиях прямо ведет к уменьшению издержек, когда участникам не требуется совершать дополнительные действия и нести расходы, направленные на гарантии обеспечения результатов взаимодействия. В экономике высокий уровень доверия ведет к более низким транзакционным издержкам, позволяющим осуществлять более выгодные сделки и обеспечивать более устойчивый экономический рост [Zak, Knack 2001]. А в утопическом варианте полное доверие людей друг к другу влечет отсутствие транзакционных издержек, которое исключает потребность в институциональной организации общества, в содержании государства как гаранта соблюдения сделок.

Фактически размеры государства и его институтов являются материализованным недоверием общества, снижающим общую эффективность социальных транзакций дополнительными издержками. Скептицизм, сомнение, подозрение чреваты ростом транзакционных издержек социальных коммуникаций, падением рентабельности и нормы прибыли любых предприятий. Недоверие — своего рода вечный естественный налог на любое реальное человеческое взаимодействие. И разные общества и культурно-исторические среды отличаются лишь величиной этого налога. Подобного рода идеи выдвигались еще в конце XIX—начале XX в. П. Кропоткиным [Кропоткин 1991], который пытался показать, что государство может быть радикально сокращено и даже преодолено именно через рост институтов взаимопомощи и взаимодоверия.

В целом подобная позиция согласуется с рядом исследований, согласно которым при стабильно работающих современных институтах растущее значение придается таким составляющим социального капитала личным качествам, как честность, трудоспособность, порядочность, а в условиях институционального недоверия повышается оценка значимости участия людей в распределении ресурсов (власть, богатство, профессиональные и родственные связи) [Козырева 2009]. Вместе с тем ряд авторов пишут о возможности и эффективности целенаправленной политики увеличения сферы доверия в обществе, связанной с укреплением верховенства закона, повышением образовательного уровня населения, сокращением неравенства доходов с активным использованием механизмов перераспределения, стимулированием деятельности гражданских организаций (см., например, [Knack, Zak 2002]). Следует учитывать, что укрепление внеэкономических факторов развития капитализма, связанных с социальным капиталом, подразумевает веру не только в ценности общественных институтов, но и высокую оценку ценностных практик, веру в значение социального экспериментирования как такового (отмечу в этой связи идеи В. Полтеровича [Полтерович 2015]). При этом переносу новых идей и институтов, нормативному плюрализму и всевозможным институциональным трансплантам всегда противостоят механизмы институциональной инерции, зависимость от прошлого развития (*path dependence*) [Панкевич 2010; Плискевич 2016]. Но зависимость от прошлого обычно переоценивается доминирующими субъектами, будучи универсальным ответом социальных сил, заинтересованных в сохранении *status quo*, о причинах неудач любых социальных реформ и инноваций [Мартынов, Фишман 2006].

Таким образом, в настоящее время неолиберализм во многом является легитимацией стратегий политических и экономических элит, направленных на деконструкцию государства всеобщего благосостояния. Модель последнего в условиях замедления глобального экономического роста и глобальной поляризации доходов все явственней обнаруживает свои исторические, экономические, демографические, географические и иные пределы. Государство всеобщего благосостояния как модель согласования интересов основных социальных групп изначально предназначалась для стран центра капиталистической миросистемы, но даже в них она испытывает все большие трудности, связанные со

старением населения, аутсорсингом производственных мощностей и производительных сил, ростом конкурентного потенциала новых индустриальных стран.

Тем не менее одностороннее свертывание прав, свобод, социальных гарантий и стандартов для граждан не может быть осуществлено в условиях демократии. Поэтому кризис государства всеобщего благосостояния есть одновременно и кризис современных демократий с лежащим в их основании негласным общественным договором в виде либерального консенсуса — взаимоприемлемой констелляции интересов основных социальных групп общества. Отказ элит от прошлых обязательств перед национальным сообществом ведет к потере их легитимности и пересмотру оснований либерального консенсуса со стороны других значимых социальных групп. Таким образом, политический порядок современных государств всеобщего благосостояния вступает в эпоху длительных потрясений.

Господствующее представление о разумном эгоисте-индивидуалисте, транслируемое из общественных наук в политику, оправдывает практическое усиление общественного неравенства и расслоения, когда бедность, безработица, неравный доступ граждан к возможностям, располагаемым обществом, являющиеся следствием определенной политики, начинают объясняться природно-антропологическими факторами — некой неизменной сущностью или природой человека [Мартьянов 2009]. Очевидно, что указанные выше проблемы не столько относимы к *дурной* человеческой природе, сколько социально сконструированы и отражают редакцию общественного договора, написанную в пользу его малочисленных выгодоприобретателей, будь то аристократия, буржуазия или номенклатура.

Неравенство, фиксированное отсылками к неизменной природе человека, не способствует поддержанию универсальных общественных институтов и морали в основе современного общества как такового: «Обычно на вопрос: “Что не так с моральной точки зрения с капиталистической рыночной системой?” — даются два ответа. Первый — она способствует плохому поведению, так как ее мотивируют две силы: алчность и эгоизм. Отсюда следует, что если необходимо обуздать пороки капитализма и заставить его работать для общего блага, то капитализм надо контролировать извне — моралью, регулированием... Второй ответ на вопрос, что не так с капитализмом, заключается в том, что он не ставит пределов накоплению богатства, что едва ли может быть этичной целью. Следовательно, для установления извне предела накоплению богатства требуется некая этическая концепция, объясняющая, зачем нужно богатство» [Скидельски 2009, с. 90–91].

Поэтому представляется необходимым пересмотреть модель утилитарного *homo economicus* как *машины удовольствий* (И. Бентам) и продукта раннекапиталистической утопии *общества торговцев* (А. Смит) в пользу расширенной версии *homo politicus*. Последняя предполагает возможность перейти к экономике, централизованной не на сиюминутных эгоистических интересах отдельных индивидов, а на общественных благах, связанных с институционализацией интересов больших групп людей и разных поколений. Это проект развития более эгалитарной и справедливой экономики для всего общества, имеющей целью не столько абстрактно-статистический экономический рост, сколько приоритетное развитие человеческого и социального капитала граждан.

Доминирование *homo economicus* в политическом измерении приводит к нормативной модели *экономического гражданина* с легитимно ограничиваемыми через отсылку к саморегуляции *политического рынка* правами. Глобальный рынок радикализирует общественное неравенство, и социальные издержки подобного неравенства все чаще успешно перекладываются на социальное государство, которое уже не в состоянии их компенсировать. С одной стороны, в силу нарастающей приватизации государства и его выгодных функций (Центробанк, ПФР, ТНК, естественные монополии и пр.), с другой — в силу свободной национализации экономических издержек за счет наиболее слабого субъекта в экономической иерархии в лице населения. Со временем исключенных становится слишком много, и государство оказывается не способно выполнять выравнивающую роль для тех, кто проигрывает в рыночной среде.

Проблема состоит в том, что такие проигравшие потенциально образуют новое пост-индустриальное большинство, права которого все сильнее зависят не от способности индивидов к конкуренции на сужающемся рынке, а от гражданства, статуса, принадлежности к определенному сословию и производного от этих параметров права на ренту. В настоящее время существуют попытки описания этого большинства в виде новых классов — *прекариата* [Стэндинг 2014] или в еще более радикальной футурологической перспективе — общности *новых рантье*, имеющих гарантированный базовый доход в обмен на добровольную политическую лояльность, пассивность или даже самоизоляцию [Давыдов, Фишман 2015].

Но подобное общество одновременно перестает быть рыночным, имея признаки возрастающей нестабильности. Статистика подтверждает, что свободный рынок в пост-индустриальных странах все менее способен решить ключевой вопрос занятости населения. Национальные рынки труда демонстрируют не только долгосрочный сдвиг занятости от производящих секторов в сектор услуг, но и переток занятости из рыночных отраслей экономики в нерыночные, прежде всего связанные с таким работодателем, как государство. Например, в период 1990–2008 гг. в США было создано 27 млн новых рабочих мест, из них на сферу государства пришлось 40% [Spence 2011].

Перспективы внеэкономических механизмов компенсации модели *homo economicus*

Эффективное преодоление прокрустового ложа модели *homo economicus*, неоправданно расширенной на все иные сферы жизни общества, состоит в развитии альтернативных этой модели коммунитарных принципов, предполагающих регулирование общественных институтов и практик с позиций формирования коллективных целей, ценностей и интересов. Выработка и поддержание более универсальных ценностей влечет распространение deliberативных процедур и рост значения экспертного сообщества, способного проводить экспертизу любых публично значимых решений с позиций знания, автономного от власти. Последнее предполагает повышение взаимной ответственности, межличностного и институционального доверия людей в виде добровольного делегирования части своей свободы и автономии обществу в обмен на наделение возможностями принимать действенное участие в выработке правил и принятии публично-властных решений для широких социальных сообществ. Подобная самоорганизация в значительной степени позволяет избежать подавления воли и интересов отдельных людей от имени абстрактного статистического большинства. Перспектива реального роста человеческого капитала широких социальных слоев, а не только избранных, предполагает смещение общественных приоритетов и доминирующих дискурсов общественных наук от механизмов бесконечного согласования меняющихся интересов социальных групп к признанию их взаимной зависимости и ответственности перед другими на все более связанных между собой локальным, национальным и глобальном уровнях [Плискевич 2012].

Подобная трансформация предполагает подчинение интересов разных сообществ более широким ценностям, разделяемых их членами. Очевидно и то, что указанная перспектива существует лишь как возможность, она вовсе не предмет глобального консенсуса ведущих центров сил внутри актуального политического порядка: «...для создания и поддержания ощущения безнадежности был построен мощный бюрократический аппарат, гигантская машина, призванная в первую очередь уничтожать любое альтернативное представление о будущем... Поддержание этого аппарата представляется сторонникам “свободного рынка” даже еще более важным, чем поддержание сколько-нибудь перспективной формы рыночной экономики...» [Гребер 2015, с. 393].

Естественно, что на этом пути встает ряд методологических и практических проблем. Например, какие могут быть механизмы взаимоприемлемого согласования интересов людей и их групп внутри общества? Как выявить сам общественный интерес? Кто будет субъектами, которые привнесут более универсальные ценности, способствующие новому институциональному “склеиванию” общества? Какова будет расстановка их со-

циальных сил? Очевидно, что приписывание некой модели морали, а тем более монополии на нее конкретному социальному субъекту, например социальному классу, во многом является ее гипостазированием. Это образцы буржуазной, аристократической или пролетарской морали, которые было бы неоправданно редуцировать в качестве морали феодального, буржуазного или социалистического общества лишь к ценностным представлениям его доминирующей группы. Мораль буржуазного общества не тождественна морали буржуазии. Мораль складывается во взаимодействии разных социальных групп, и мораль буржуазного общества не была бы такой, какой мы ее знаем, если бы это общество состояло только из буржуазии, имеющей политических и экономических оппонентов, которых она могла не учитывать в создании консолидированной версии морали для капиталистического общества.

Это неизменное превосходство горизонта общественной морали над перспективами доминирующего общественного субъекта весьма пронизательно отмечено И. Валлерстайном, для которого моральные основания либерального консенсуса одновременно есть основания не только для либерализма, но и для консерватизма и социализма как великих идеологических инвариантов нарратива Модерна [Валлерстайн 2003, с. 74–93]. В онтологическом плане за этими идеологиями тоже стоят значимые социальные группы, без участия которых либеральный консенсус был бы невозможен, нелегитимен и весьма неустойчив.

Популярный рецепт делиберативной демократии в сложных современных обществах в отличие от античных полисов также имеет серьезные ограничения. Более того, чистая демократия весьма далека от меритократии, с которой ее отождествляют часто и неявно, но вместе с тем совершенно ошибочно [Руденко 2012]. Так как личный опыт и компетенция большинства граждан не часто выходит за пределы местного самоуправления, то прагматизм в ходе общественных обсуждений текущих проблем может легко превратиться в популизм, который властные элиты склонны использовать для укрепления монополии на принятие общественно значимых решений. Капитализм и саморегулируемый рынок, как показала историческая практика, сами по себе также не способствуют развитию общественных предпочтений в пользу меритократии, наоборот, поддерживают рост дифференциации социальной структуры общества и различных неравенств. А все более популярная концепция *общественного выбора* чаще срывается в соответствующих теориях, чем в реальных политических практиках.

Наконец, любое общество (государство) само по себе являет перманентный конфликт социальных интересов при ограниченных ресурсных возможностях, а политические решения основаны не на должных хабермасовских процедурах разумного коммуникативного диалога, согласия и взаимном понимании, а на партикулярных интересах и приоритетах, связанных, например, с борьбой лоббистов за бюджетные средства. Подобные решения не могут быть объективно оптимальными, но только лишь взаимоприемлемыми, так как оптимальность здесь всегда встроена в перспективу интересов той или иной социальной группы.

Имеющийся опыт позднемодерных обществ, чье эффективное развитие все более связано с усилением роли социального капитала и иных внеэкономических ограничителей в институциональной регуляции капитализма, показывает, что управляемая эволюция возможна как исторический шанс и для других политических сообществ. Но это именно возможность сознательно конструируемой альтернативы, а не всеобщий закон истории.

История общественной мысли демонстрирует, что вызовы доминирующим самореперентным теориям, ориентированным на легитимацию *status quo*, приходят скорее не из их научной, методологической критики, а из практики *онтологических революций*, которые черпают свое содержание в новых политических утопиях. Поэтому общественные науки приобретают действительное общественно-политическое значение скорее тогда, когда они опережают и предвосхищают в своей мысли будущие общественные состояния, нежели когда пытаются сохранить общественный порядок от социального экспериментирования, нейтрализуя область возможного. Соответственно, обществоведческие

теории, ориентированные на ценность социальных преобразований, являются *de facto* не только науками, но и социально-политическими программами целенаправленных общественных трансформаций. Более того, предвосхищение будущего, которое обрело общественное значение, становится влиятельной частью настоящего — и это настоящее находится уже в области реальной политической борьбы.

* * *

В постиндустриальных условиях растет значимость новых внеэкономических факторов развития человека и общества, ранее находившихся на периферии экономической мысли. Для индивидуального и общественного развития все большее значение приобретают человеческий, культурный, социальный, политический и иные виды капиталов, первоначально возникшие как метафоры в отношении экономического капитала, но впоследствии приобретающие самостоятельное значение, не конвертируемое и не сводимое к последнему [Семененко 2012, с. 19]. *Homo politicus* действует в более широком культурном, интеллектуальном, ценностно-эмоциональном и институциональном контексте. Поэтому реальную субъектность этого *действующего человека* (А. Турен) довольно трудно свести к неким легко просчитываемым рациональным моделям. Собственно в отсутствии предопределенности и состоит залог его свободного действия.

Увеличение в современном обществе роли социального (человеческого) капитала как фактора общественного развития определяет серьезную критическую рефлексию относительно индивидуалистической модели *homo economicus* в качестве социального актора, определяя выбор в пользу более сложных холистских, коммунитарных версий, более чутких к тем конкретным социокультурным контекстам, в которых они применяются. Социальный капитал как все более важный фактор развития позднемодерного общества предполагает отход от сложившейся модели *homo economicus*, демонстрируя долгосрочную эффективность социальных взаимодействий основанных на доверии, альтруизме, в контексте неполной информации и ограниченной рациональности субъектов, постоянно соизмеряющих свои интересы с интересами других людей.

В условиях устойчивого снижения темпов глобального экономического роста и кризиса социального государства растет значение внеэкономических коммунитарных концепций и резервов повышения предельной коллективной полезности, ориентированных на более эгалитарные принципы социальной справедливости, социальную поддержку растущего прекариата и ориентацию граждан и социальных групп на такие социальные регуляторы, как постматериальные ценности, добродетели, межличностное и институциональное доверие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Асемоглу Д., Робинсон Дж. (2015) Экономические истоки диктатуры и демократии. М.: Издательский дом ВШЭ.
- Белянин А.В., Зинченко В.П. (2010) Доверие в экономике и общественной жизни. М.: Фонд “Либеральная миссия”.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. (2015) Глобальный капитал. В 2-х тт. Т. 1. М.: ЛЕНАНД.
- Валлерстайн И. (2003) После либерализма. М.: URSS.
- Гребер Д. (2015) Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Давыдов Д., Фишман Л. (2015) Будущее капитализма: от литРПГ к футурологии // Свободная мысль. № 3. С. 139–150.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011) Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство.
- Козырева П. (2009) Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. № 1. С. 43–54.
- Коулмен Дж. (2001) Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3. С. 122–139.
- Кропоткин П.А. (1991) Этика. М.: Политиздат.

- Мартыанов В.С. (2009) “Человек политический”: модели оправдания власти // Человек. № 4. С. 82–90.
- Мартыанов В.С., Фишман Л.Г. (2006) Моральный тупик цивилизационной парадигмы // Полития. № 4. С. 72–87.
- Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д. (2007) Пределы роста. 30 лет спустя. М.: ИКЦ Академкнига.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Олсон М. (1995) Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: Издательство ФЭИ.
- Панкевич Н.В. (2010) Взаимодействие и трансформация правовых систем в процессе глобализации // ПОЛИТЭК. Т. 6. № 3. С. 115–132.
- Пикетти Т. (2015) Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Плискевич Н.М. (2016) “Path dependence” и проблемы модернизации мобилизационного типа // Мир России. Т. 25. № 2. С. 123–143.
- Плискевич Н.М. (2010) Тупики инструментальной модернизации // Общественные науки и современность. № 2. С. 78–85.
- Плискевич Н.М. (2012) Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: Институт экономики РАН.
- Полтерович В.М. (2015) От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. № 4. С. 41–64.
- Руденко В.Н. (2012) Чистая демократия и ее атрибуты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. Т. 10. № 3. С. 120–126.
- Сасаки М., Давыденко В.А., Латов Ю.В., Латова Н.В., Ромашкин Г.С. (2009) Проблемы и парадоксы анализа институционального доверия как элемента социального капитала современной России // Журнал институциональных исследований. Т. 1. № 1. С. 20–35.
- Семененко И.С. (2012) “Человек политический” перед альтернативами общественных трансформаций: опыт переосмысления индивидуального измерения политики // ПОЛИС. № 6. С. 9–26.
- Скидельски Р. (2009) Кейнс и этика капитализма // Общая тетрадь. 2009. № 4. С. 90–102.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Фукуяма Ф. (2004) Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: М.: АСТ.
- Knack S., Zak P.-J. (2002) Building Trust: Public Policy, Interpersonal Trust and Economic Development // Supreme Court Economic Review. Vol. 10. Pp. 91–107.
- Maddison A. (2001) The World Economy: A Millennial Perspective. OECD.
- Policy Challenges for the Next 50 Years (2015) (<http://www.oecd.org/economy/Policy-challenges-for-the-next-fifty-years.pdf>).
- Putnam R. (2000) Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster.
- Smith S., Kulynych J. (2002) It May Be Social, but Why It Is Capital? The Social Construction of Social Capital and the Politics of Language // Politics & Society. No. 1. Pp. 149–186.
- Spence M. (2011) Globalization and Unemployment (<http://www.foreignaffairs.com/articles/67874/michael-spence/globalization-and-unemployment>).
- Zak P.J., Knack S. (2001) Trust and growth // Economic Journal. Vol. 111. No. 427. Pp. 295–321.

Late Modernity and the Boundaries of Habitual Capitalism: in Search for Non-economic Factors of Development

V. MARTIANOV*

* *Martianov Viktor* – Deputy Director, Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences (Ural Branch). Address: S. Kovalevskaya str., 16. 620990, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: martianovy@rambler.ru

Abstract

It seems that global exhaustion of the traditional models of economic growth, allowing enhancing a welfare state, will lead to a need to review a model of human development centered on economics. Among the incentives for the development of post-industrial societies non-economic factors that are reflected in the concepts of social (human) capital and are based on the available public goods to citizens become increasingly important. However, the increase of social capital, the development of new virtues, improving the mechanisms of social order are increasingly restricted by the Procrustean bed of the basic for social sciences neo-liberal model of «homo economicus» as a rational egoist. Within this context the inevitability of revenge of communitarian perspectives and reserves for increase of collective utility in growing global economic stagnation is argued.

These are the values aimed on more egalitarian principles of justice, the progressive tax scale, distribution of public resources, strengthening the regulatory functions of state, social support of growing precariat and orientation of citizens to post-materialist values and virtues, interpersonal and institutional trust.

Keywords: trust, communitarianism, Modernity, late capitalism, post-material values, progress, post-materialist values, social capital.

REFERENCES

- Acemoglu D., Robinson J. (2015) *Ekonomicheskie istoki diktatury i demokratii* [Economic Origins of Dictatorship and Democracy]. Moscow: Izdatel'stvo HSE.
- Belyanin A.V., Zinchenko V.P. (2010) *Doverie v ekonomike i obshchestvennoi zhizni* [Trust in the economy and social life]. Moscow: Fund "Liberal Mission".
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. (2015) *Global'nyi kapital* [Global capital]. In 2 vv. V. 1. Moscow: LENAND.
- Davydov D., Fishman L. (2015) Budushchee kapitalizma: ot litRPG k futurologii [The future of capitalism: from litRPG to futurology]. *Svobodnaya mysl'*, no. 3, pp. 139–150.
- Fukuyama F. (2004) *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu* [Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity]. Moscow: ACT.
- Greber D. (2015) *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: the first 5000 years of history]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) *Modernizatsiya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya* [Modernization, Cultural Change, and Democracy]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Knack S., Zak P.-J. (2002) Building trust: public policy, interpersonal trust and economic development. *Supreme Court Economic Review*, vol. 10, pp. 91–107.
- Koleman J. (2001) Kapital sotsial'nyi i chelovecheskii [Social Capital and Human Capital]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 122–139.
- Kozyreva P. (2009) Mezhluchnostnoe doverie v kontekste formirovaniya sotsial'nogo kapitala [Interpersonal trust in the context of the formation of social capital]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 1, pp. 43–54.
- Kropotkin P.A. (1991) *Etika* [Ethics]. Moscow: Politizdat.
- Maddison A. (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*. OECD.
- Martyanov V.S. (2009) "Chelovek politicheskii": modeli opravdaniya vlasti ["Homo Politicus": models of power legitimating]. *Chelovek*, no. 4, pp. 82–90.
- Martyanov V.S., Fishman L.G. (2006) Moral'nyi tupik tsivilizatsionnoi paradigmy [The moral deadlock of civilization paradigm]. *Politiya*, no. 4, pp. 72–87.
- Meadows D., Randers J., Meadows D. (2007) *Predely rosta. 30 let spustya* [The Limits to Growth. 30 years later]. Moscow: Akademkniga.
- Nort D., Wallis J. Waingast B. *Nasilie i socialnye poryadki. Kontseptualnye ramki dlya interpretatsii pismennoy istorii chelovechestva* [Violence and Social Order. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Institute Gaydara.
- Olson M. (1995) *Logika kollektivnykh deistvii. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups]. Moscow: Izdatel'stvo FEI.
- Pankevich N.V. (2010) Vzaimodeistvie i transformatsiya pravovykh sistem v protsesse globalizatsii [Interaction and transformation of legal systems in the process of globalization]. *POLITEKS*, v. 6, no. 3, pp. 115–132.
- Piketti T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the XXI century]. Moscow: Ad Marginem Press.

- Pliskevich N.M. (2016) "Path dependence" i problemy modernizatsii mobilizatsionnogo tipa ["Path dependence" and the problems of modernization of the mobilization type]. *Mir Rossii*, v. 25, no. 2, pp. 123–143.
- Pliskevich N.M. (2010) Tupiki instrumental'noi modernizatsii [Dead ends of instrumental modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 78–85.
- Pliskevich N.M. (2012) *Chelovecheskii kapital v transformiruyushcheysya Rossii* [Human capital in transforming Russia]. Moscow: Institute of the Economics RAS.
- Policy challenges for the next 50 years* (2015) (<http://www.oecd.org/economy/Policy-challenges-for-the-next-fifty-years.pdf>).
- Polterovich V.M. (2015) Ot sotsialnogo liberalizma k filosofii sotrudnichestva [From social liberalism to cooperation philosophy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 4, pp. 4–64.
- Putnam R. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster.
- Rudenko V.N. (2012) Chistaya demokratiya i ee atributy [The pure democracy and its attributes]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, v. 10, no. 3, pp. 120–126.
- Sasaki M., Davydenko V.A., Latov Yu. V., Latova N.V., Romashkin G.S. (2009) Problemy i paradoksy analiza institutsional'nogo doveriya kak elementa sotsial'nogo kapitala sovremennoi Rossii [Problems and paradoxes in the analysis of institutional trust as an element of the social capital of modern Russia]. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy*, vol. 1, no. 1, pp. 20–35.
- Semenenko I.S. (2012) "Chelovek politicheskii" pered al'ternativami obshchestvennykh transformatsii: opyt pereosmysleniya individual'nogo izmereniya politiki ["Homo politicus" in the face of the alternatives of social transformation: rethinking the experience of the individual measurements of policy]. *POLIS*, no. 6, pp. 9–26.
- Skidelsky R. (2009) Keins i etika kapitalizma [Keynes and the capitalist ethic]. *Obshchaya tetrad'*, no. 4, pp. 90–102.
- Smith S., Kulynych J. (2002) It May Be Social, but Why It Is Capital? The Social Construction of Social Capital and the Politics of Language. *Politics & Society*, no. 1, pp. 149–186.
- Spence M. (2011) *Globalization and Unemployment* (<http://www.foreignaffairs.com/articles/67874/michael-spence/globalization-and-unemployment>).
- Standing G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [Precariat: new dangerous class]. Moscow: Ad Marginem Press.
- Vallerstain I. (2003) *Posle liberalizma* [After Liberalism]. M.: Editorial URSS.
- Zak P.J., Knack S. (2001) Trust and growth. *Economic Journal*, vol. 111, no. 427, pp. 295–321.

© В. Мартынов, 2017

Сдано в набор 10.10.2016	Подписано к печати 12.12.2016	Дата выхода в свет 27.01.2017
Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆	Цифровая печать	Усл. печ.л. 14,3
Бум.л. 5,5	Тираж 391 экз.	Усл.кр.-отт. 5,7 тыс.
	Зак. 956	Уч.-изд.л. 18,4
		Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
 Издатель: ФГУП «Издательство «Наука», Профсоюзная ул., д. 90, Москва, 117997
 Оригинал-макет подготовлен ФГУП «Издательство «Наука»
 Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука» (Типография «Наука»), Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099